
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Издательство Томского университета
2021

Н.М. Дмитриенко, К.О. Жеребцова

**1-й ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙНЫЙ СЪЕЗД
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СИБИРСКИЕ МУЗЕИ***

О 1-м музейном съезде подготовлено довольно много научных публикаций. И если в первых статьях решения съезда однозначно одобрялись и принимались к исполнению, то в последних по времени выхода работах сделан акцент на негативных последствиях выполнения решений съезда [1. С. 141–143; 2. С. 637–640; 3. С. 193–198]. Учитывая сделанное, авторы данной публикации задались целью проследить, как выполнялись решения съезда в сибирских музеях.

Известно, что 1-й Всероссийский музейный съезд был созван в декабре 1930 г. в Москве по инициативе Наркомата просвещения РСФСР и его структурного подразделения – сектора науки. Всей подготовительной работой занимался оргкомитет съезда, заседания которого начались в конце мая 1930 г. и продолжались до дня его открытия. От имени оргкомитета были разосланы программные материалы, активно обсуждавшиеся в музеях. Так, на заседании совета Томского краевого музея 3 ноября 1930 г. завмузеем М.Б. Шатилов высказал предположение, что на съезде будут рассматриваться «очень большие проблемы общесоюзного масштаба, которые будут разрешаться с общесоюзной точки зрения, причем могут быть затушеваны местные вопросы». Подчеркивая «необходимость непосредственного участия музея в съезде», совет музея решил: «Признать участие Томского музея на съезде по высказанным мотивам с целью живой связи необходимым. Представить на выставку экспонаты по политпросветительной работе Томского музея... Запросить телеграфом о времени съезда и условиях оплаты проезда» [4. С. 83].

Сведений о том, приняли ли во внимание мнение Томского краевого музея, пока не обнаружено. По подсчетам мандатной комиссии, на 1-й музейный съезд собралось 325 человек,

* Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2019. № 33. С. 222–235.

среди делегатов преобладали представители Наркомпроса, ВСНХ, Наркомзема, Наркомата труда, военных комиссариатов. Что касается музейев, то на съезде были представлены только 62 из 345 краеведческих музейев РСФСР, в их числе 13 областных и 45 районных [5. Л. 142; 6. С. 96]. По имеющимся данным, в работе съезда участвовали как минимум два сибиряка: заведующий Новосибирским музейем П.И. Кутафьев и руководитель Барнаульского музея В.П. Лебедев [7. С. 123; 8. С. 223].

Главный посыл музейного форума прозвучал в пафосной речи заместителя наркома просвещения М.С. Эпштейна на открытии съезда 1 декабря 1930 г.: «Будем гордиться тем, что мы являемся пионерами в творческой работе, в деле подчинения музея интересам борьбы за социализм, за новое общество, что мы являемся пионерами в деле построения музея, подчиненного интересам строительства нового общества, в котором нет войн, нет эксплуатации и рабства и в котором достижения новой техники, науки и искусства являются достоянием миллионов» [9. Л. 1]. В решениях и резолюциях 1-го съезда ставились задачи включения музейев «в русло социалистического строительства», в систему политико-просветительных учреждений, реорганизации музейев и их экспозиций на основе марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях [5. Л. 155; 10. С. 666; 11. С. 4].

Сразу после завершения съезда в брошюре И.К. Луппола и Н.А. Шнеерсона, в журнале «Советский музей» стали публиковаться разъяснения и рекомендации по выполнению решений съезда. При этом музейщиков уверяли, что «чем быстрее и успешнее будут рализованы решения музейного съезда, чем решительнее музейные работники перейдут в наступление по всему фронту музейного строительства в целях окончательной ликвидации старых традиций, препятствующих музейам встать в ряды активных строителей социализма, – тем более значительное место они займут в общей советской системе» [11. С. 1]. Прежде всего требовалась «увязка деятельности музейев всех категорий и типов с задачами социалистического строительства». Предлагалось «сделать из музейев базы политико-просветительной работы, поставить музейную работу таким образом, чтобы она способствовала выработке не только определенного миропонимания, но

являлась вместе с тем и организующим началом, ведущим массы на борьбу за новый мир» [12. С. 31]. В статьях указывалось, что «центром музейной деятельности» должно стать политическое просвещение масс». И предлагались приемы такого просвещения: доклады музейных сотрудников перед кустарями, на археологических раскопках, организация передвижных выставок. И везде стремиться «обслужить нужды современного строительства». Музеям рекомендовалось, например, к посевной кампании осветить материалы местного пятилетнего плана, «выявить специфические формы классовой борьбы», показать «перспективы единоличного и обобществленного хозяйства». Для привлечения посетителей предлагалось приурочивать посещение музеев к праздникам 7 Ноября, «связывать впечатления музея с завоеваниями революции» [13. С. 67–72].

В статье «Музеи на помощь выполнению финплана» утверждалось: «Музейная сеть, обслуживающая многомиллионные массы трудящихся, представляющая собой мощное орудие политической и просветительной работы, должна быть использована для популяризации задач финплана, для пропаганды госзаимов, сберегательного дела и пр.». Предлагалось во всех музеях – антирелигиозных, художественных, краеведческих, естественнонаучных – обязательно показывать данные о финансовом плане через лозунги, плакаты, пояснения и таблицы и в обязательном порядке проводить экскурсии в музеях, а также по новостройкам, на фабриках, в совхозах и МТС «по основным вопросам финансового плана». В заключение статьи сообщалось о том, что «активное участие музейных работников в борьбе за укрепление финансовой базы пятилетки будет способствовать усилению связи музеев с широкой советской общественностью и скорейшему осуществлению перестройки всей музейной работы на основе подчинения ее конкретным задачам социалистического строительства» [14. С. 9–12].

Выполняя решения съезда, распоряжения и рекомендации музейного руководства, сибирские музейщики приступили к перестройке музейной сети. Во главе музеев Западной Сибири встал Новосибирский музей, который в 1931 г. получил новое наименование – Краевой музей Западно-Сибирского края. Одновременно он именовался и как Музей социалистического строительства

Западно-Сибирского края [15. Стб. 785; 16. Стб. 790]. Базовыми были объявлены Омский, Томский, Кузнецкий, Ачинский, Минусинский, Барнаульский, Бийский и Ойротский музеи. Все другие музеи, работавшие в пределах Западно-Сибирского края, стали называться районными. От статуса музея напрямую зависели бюджетное финансирование и штаты.

Весной 1931 г. к перестройке внутримузейной работы приступили в Новосибирском музее, началось «плановое развертывание на новых началах», указанных музейным съездом: материалы о создании сибирской части Урало-Кузнецкого комбината предполагалось показывать «на базе отображения предшествующих общественных формаций» [16. Стб. 791]. Не позже 1933 г. в структуре Новосибирского музея были созданы вводный отдел, отдел докапиталистических формаций, отдел капиталистического общества и отдел социалистического строительства [17. С. 371].

В соответствии с решениями съезда началась перестройка в Красноярском музее, в котором в 1931 г. отдел истории материальной культуры, сформированный судя по всему в 1920-х гг., был преобразован в отдел истории ранних общественных формаций. В отделе был создан антирелигиозный подотдел [18. Стб. 575]. Сразу после 1-го съезда развернулась реорганизация внутренней структуры Минусинского музея, были созданы вводный отдел (история земли и происхождение жизни на ней), отдел природы, исторический отдел и отдел социалистического строительства. Кроме того, функционировал Шушенский филиал, который в 1932 г. стал самостоятельным музеем [19. С. 10].

Музей Кузнецкого металлургического комбината в Кузнецке/Сталинске, создаваемый после 1-го музейного съезда, строился строго в соответствии с его решениями. В музее были созданы следующие отделы: вводный, истории и строительства, сырьевого хозяйства, коксового производства, доменного производства, мартеновского производства, прокатного производства и кабинет стахановца с технической библиотекой [20. С. 203]. В Тюменском музее действовало пять отделов, в их числе вводный (экспонаты по палеонтологии, археологии и полезным ископаемым); отдел природы; исторический отдел (материалы по истории Тюмени и о революционном движении в городе);

антирелигиозный отдел. Кроме того, в музее работала постоянная выставка работ преимущественно местных художников начиная с 1830 г. [21. С. 50].

Специально созданная комиссия по реорганизации Томского краевого музея честно пыталась выполнить поставленную 1-м музейным съездом задачу «осуществления марксистского метода во всей музейной работе – в научно-исследовательской, экспозиционной и массовой политико-просветительной» [22. Л. 21, 28]. В 1932 г. было начато составление плана «реорганизации музея на основе диалектики», ранее созданные художественный и восточный отделы были выделены «как отраслевые, не связанные с общей конструкцией музея». Но по специальному указанию из центра восточный отдел все же был свернут, и на его месте был организован историко-революционный отдел, а позже, в 1940 г., в Томском краеведческом музее были созданы и действовали отдел природы, исторический отдел, отдел социалистического строительства и художественный отдел [23. С. 81–82].

В Иркутском музее к середине 1930-х гг. было четыре отдела: отдел естественноисторический и картинная галерея; отдел этнографический, каторги и ссылки и революционного движения; отдел археологический и антирелигиозный; отдел сельскохозяйственный. Столь «произвольное распределение тематики», отмеченное очевидцами событий, возможно, отражало желание иркутских музейщиков и старое сохранить, и новое показать. Так или иначе, структура музея получила вполне справедливую критику специалистов: «В нынешнем своем состоянии Иркутский музей лишен возможности показа истории развития общественных форм в едином целостном комплексе» [24. С. 175].

Нужно заметить, что преобразование прежних или открытие новых отделов в сибирских музеях не вносило качественных перемен в музейную деятельность. Ведь с давних времен внутри-музейная жизнь Сибири (да и всей страны) сосредоточивалась в одном общем или нескольких отделах, в которых собирались и хранились фондовые материалы, строились экспозиции. То новое и, прямо скажем, разрушительное, что укрепилось в музеях после 1-го музейного съезда, было негативное отношение к собиранию и хранению музейных предметов и коллекций. Так,

выступая на съезде, Ю.К. Милонов говорил о том, что вещь как таковая не может выполнить основные задачи вскрытия общественных отношений: «Возникает чрезвычайно серьезная опасность, именно – опасность преувеличить значение вещи и за ней не доглядеть социальных отношений». Он считал, что «основным элементом экспозиционной работы обществоведческих музеев является не предмет-памятник, а законы развития, диалектика данной области общественной жизни. В связи с этим основным элементом их экспозиции должны быть не вещи и не декоративное пятно, а «музейное предложение», т. е. мысль, выраженная комплексом подлинных предметов, связанных между собой в неразрывное целое при помощи надписей и разного рода иллюстраций». Вслед за другими ораторами Ю.К. Милонов говорил об «опасности» вещизма, а, следовательно и ненужности фондовой работы [25. С. 34–36]. И.К. Луппол полагал, что в основе музейного строительства находились «формы движения материи» как противоположное «вульгарно материалистической установке» на «вещественный материал экспонатов» [26. С. 30].

Принимая во внимание сказанное на съезде, Г.И.Черемных использовал понятие «экспонатные фонды», в которых все большее распространение, по его мнению, получали фотоматериалы, модели и макеты [18. Стб. 576]. Но если обратиться к непосредственным свидетельствам музейных работников 1930-х гг., то можно заметить, что, несмотря на все сложности, работы по комплектованию музеев продолжались. При этом использовались направления и формы комплектования, зародившиеся еще в XIX в. Так, фонды Новосибирского музея были пополнены материалами выставки, приуроченной к съезду Советов Сибирского края. Сотрудники Барнаульского окружного естественноисторического музея в 1931 г. организовали охрану и сбор информации о захоронениях видных граждан Барнаула, надгробные памятники сохранить не удалось, но были скопированы надписи на памятниках, собраны фотографии памятников и устроена выставка этих фотографий в музее [8. С. 159–160].

В сибирских музеях сохраняли свое значение экспедиционные сборы. Например, сотрудники Минусинского музея в продолжение 1930–1936 гг. проводили небольшие этнографические и археологические экспедиции. Руководитель музея

А.В. Харчевников особо подчеркивал почвенные обследования южной и юго-восточной частей Минусинского района и обследование озера Кизыл-Куль в гидробиологическом и рыболовном отношениях, исследование кормовых дикорастущих трав Минусинского района [19. С. 11–12]. В 1937–1938 гг. сотрудник Омского музея А.Ф. Палашенков разработал программу выявления и музеефикации археологических, историко-революционных и архитектурных памятников обширнейшей Омской области, проводил археологические раскопки на р. Полуй за Полярным кругом, собрал этнографические материалы о ненцах Надымского района, доставил в музей старинные иконы, обнаруженные им в Березове [27. С. 50–51]. Но наблюдались и сбои. Командированный в 1934 г. в Восточную Сибирь для обследования коллекций Иркутского краевого музея, Читинского областного музея и двух музеев Бурят-Монгольской АССР в Улан-Удэ и Кяхте сотрудник Института востоковедения Академии наук СССР В.А. Казакевич констатировал: «Планомерное, непрерывное и последовательное собирание научных материалов во всех посещаемых мною музеях сейчас отсутствует. Поступление новых коллекций происходит спорадически». Он отмечал поступление материалов археологических раскопок А.П. Окладникова и М.М. Герасимова, некоторые поступления по геологии и другим естественнонаучным направлениям. При этом столичный специалист особенно был поражен «хаотическим состоянием» фондов, плохо организованными инвентаризацией, учетом и охраной коллекций [24. С. 174–175]. СобираТЕЛЬСКАЯ работа в Иркутском музее в середине 1930-х гг. по большей части была сведена к сбору материалов и документов, музейных предметов, связанных с политической ссылкой, а конкретно, с пребыванием в Сибири И.В. Сталина, М.В. Фрунзе, В.М. Молотова, И.В. Косиора и других большевиков. Кроме того, был начат сбор материалов, «характеризующих успехи социалистического строительства и культурный рост трудящихся масс в Восточносибирском крае» [28. С. 164–165].

Повторим, что невнимание и настоящее игнорирование фондовой работы в музеях объяснялись тем, что по решениям 1-го музейного съезда в экспозиции должны были присутствовать не столько подлинные музейные предметы, сколько макеты. В некоторых случаях, например при создании музея Кузнецкого

металлургического комбината (КМК), преобладание в фондах моделей и макетов агрегатов завода было вполне оправдано характером документируемого производства. Так, в музее были представлены модель коксовой батареи системы Беккера из 55 печей, макет доменной печи с подсобным хозяйством, макет 150-тонной мартеновской печи, нагревательных колодцев и печей Сименса, макеты всех прокатных цехов КМК. При этом многие модели состояли из разъемных частей, что позволяло наглядно демонстрировать устройство сложнейших агрегатов. Но наряду с макетами в музее формировались коллекции железных руд, флюсов, огнеупорной глины и продукции КМК, а также хранилась коллекция сырья и продукции американских металлургических заводов, собранная во время заграничной поездки директора завода академика И.П. Бардина. Подаренная музею коллекция включала образцы железных руд, кокса, доменного шлака, обожженных извести и доломита. Характерно, что эта коллекция использовалась «с целью заимствования американского опыта» [20. С. 204–208]. В других сибирских музеях засилье макетов, картограмм и плакатов не было оправданным, а именно на них ориентировались в своей работе сотрудники Тобольского музея [29. С. 113–114]. Сохранилось также свидетельство А.Ф. Палашенкова (в дальнейшем ставшего директором Омского музея) о том, как в 1936 г., освободившись из Карагандинского лагеря, он устроился на работу в Тюмени и «стал делать модели для местного музея» [30. С. 526].

Наряду с принижением научно-фондовой работы в музеях перестройка коснулась экспозиционно-выставочной деятельности, которая изменялась, по свидетельству Г.И. Черемных, «в разрезе очередных задач социалистического строительства». На первый план, по рекомендации 1-го музейного съезда, выдвинулись организация и проведение выставок, немалая часть которых проводилась вне музейных стен. Так, в Красноярском музее была организована выставка «Производительные силы на основе Енисейстроя», а к очередным революционным датам проводились выставки-передвижки в рабочих клубах, в кинотеатрах. Выставка «Борьба за власть Советов в Сибири» и передвижка, приуроченная к уборочной кампании, демонстрировались в МТС и на сплаве в устье р. Маны [18. Стб. 575–576]. В Минусинском

музее была организована передвижная выставка «Ленин и крестьянство», которая объехала почти все колхозы района. И, по мнению А.В. Харчевникова, в результате работы этой передвижки в ряде мест прекратились наблюдавшиеся ранее выходы из колхозов [19. С. 11].

Делегат 1-го музейного съезда, заведующий Барнаульским музеем В.П. Лебедев разработал в 1931 г. план выставочной деятельности, который включал организацию передвижных выставок, посвященных посевной кампании, Дню леса, организации туристических маршрутов по Алтаю [8. С. 223].

Музей, создаваемый при Кузнецком металлургическом комбинате, еще на стадии становления в 1931–1932 гг. проводил на строительных площадках выставки по технике безопасности, по истории строительства завода. После открытия музея пользовалась популярностью выставка «Кузнецк в прошлом и настоящем» [20. С. 200]. В Омском музее была подготовлена серия выставок-передвижек о Революции 1905 г., об Октябрьской революции. Эти выставки демонстрировались в городском театре, в рабочих клубах, в водном техникуме [17. С. 332].

Что касается постоянной экспозиции, то, по сведениям А.В. Харчевникова, в 1931 г. Минусинский музей приступил к ее перестройке на основе решений 1-го музейного съезда. И хотя, по его сведениям, перестройка отделов природы и социалистического строительства «далеко еще не закончена», музей стремился к выполнению задачи, сформулированной тогдашним заведующим музейным отделом Наркомпроса РСФСР Ф.Я. Коном, «быть активным борцом в том величайшем строительстве, которым охвачен Советский Союз, всесторонне содействовать этому строительству изучением края, экспозицией его прошлого и настоящего и построенной на этой экспозиции политико-просветительской работой» [19. С. 10].

Гораздо хуже обстояло дело со сборами и экспонированием материалов о социалистическом строительстве в Тобольском музее. Правда, в экспозиции присутствовали материалы о деятельности Тобольской консервной фабрики, представленной как «тип пролетарской фабрики». Планировалось показать жизнь «одного из близлежащих колхозов». Тем не менее в статье, помещенной журнале «Советский музей», резюмировалось, что

«состояние Музея Тобольского Севера ни в малой мере не отвечает» поставленной музейным съездом задаче [29. С. 113–114]. Разгромной критике подвергся Омский музей, который обвинили в кунсткамерности, а его экспозицию признали «негодной», поскольку в ней не отражался «героизм народных масс» и деятельность большевистского подполья [17. С. 324].

Делая ставку на макеты и плакаты, музейщики обедняли экспозиции. Так, в журнале «Советская этнография» сообщалось: «Экспозиция Читинского музея довольно богата, но исключительно плоскостная (фото, плакаты, объявления и т. п.). Расположенная вдоль стен зала на прямоугольных щитах, она очень бледна» [24. С. 176]. Сохранившиеся фотографии экспозиций и выставок, посвященных революционным датам, позволили исследователям показать, что в Томском и Новосибирском музеях выставлялись по преимуществу копии документов, газетные вырезки, плакаты и созданные по специальным заказам портреты Ленина, Сталина, Кирова. Важным элементом становились «художественно» оформленные на красных полотнищах цитаты из трудов классиков марксизма-ленинизма. Использовались и некоторые вещественные источники, например знамя Союза грузчиков г. Томска, партизанская пушка. Более насыщенной вещественными памятниками была антирелигиозная выставка в Новосибирском музее. Кроме плакатов и лозунгов, посетители выставки могли увидеть плащаницу, распятие, медный крест и другие богослужебные предметы, с помощью которых устроители выставки думали разоблачить церковь как «прислужницу эксплуататорских классов» [17. С. 371–373; 23. С. 96].

По свидетельству Н.А. Квашнина, заведующего Музеем материальной культуры, как с 1934 г. стал именоваться Этнолого-археологический музей Томского государственного университета, на большой выставке «Социалистическое строительство Горной Шории» были представлены подлинные памятники жизни сибиряков – мотыги, деревянные цепи, косы-горбуши, различные рыболовные и охотничьи принадлежности – остроги, морды, деревянные капканы, кремневые ружья. Что касается тогдашней современности, то она была представлена картограммами выполнения первого пятилетнего плана в Горно-Шорском районе. Самая животрепещущая в 1930-е гг. тема «социалистической

реконструкции сельского хозяйства» раскрывалась через картограммы и диаграммы (например, рост колхозов и совхозов, рост зажиточности колхозников) и фотоматериалы. С помощью диаграмм были показаны рост грамотности среди шорцев, рост количества клубов, столовых, школ, больниц, бань, красных уголков, детских садов, яслей и пр. Кроме того, были выставлены модели культурных скотных дворов, образцы сельскохозяйственного производства, мелкие орудия сельскохозяйственного производства. При этом организаторы уверяли, что «эта часть выставки является как бы живым показателем того, как Горная Шория далеко ушла от темноты и невежества, от дореволюционных отсталых форм хозяйства и успешно проводит социалистическую реконструкцию своего края» [31. С. 73–74].

На музейном съезде, как известно, уделялось немалое внимание кадровому обеспечению музейной деятельности. И по завершении съезда этот вопрос получил, как и по всем другим направлениям переустройства музейной жизни, дополнительные разъяснения. Так, С.В. Бессонов писал: «Подготовка музейных кадров стоит в тесной связи с работой музеев по выявлению социалистической реконструкции народного хозяйства и культурной революции и с перестройкой их на основе диалектического материализма. Для выполнения этой грандиозной работы, не имеющей прецедентов в истории, необходим надлежаще подготовленный состав музейных работников, ясно понимающих возложенные на них обязанности и стремящихся всемерно провести их в жизнь» [32. С. 23]. В Сибири его поддерживал Г.И. Черемных, который призывал сибирские музеи «усилить темпы своей перестройки и укрепить свои кадры путем подготовки и переподготовки музейных работников и улучшения их состава» [18. Стб. 577]. На подготовку «марксистски грамотных работников», «ученых марксистов-музееведов» были ориентированы учебные программы музейных курсов при Центральном институте повышения квалификации работников просвещения. По воспоминаниям Л.П. Харченко, ее отец, заведующий Новосибирским музеем П.И. Кутафьев, учился на московских музейных курсах с 1 февраля по 1 июля 1932 г. В свидетельстве об окончании курсов сообщалось, что Кутафьев «проработал и хорошо усвоил следующие дисциплины: музееведение, диалектический материализм, ленинизм, историю

общественных формаций, историю классовой борьбы, историю материальной культуры, историю стилей, историю русской архитектуры, краеведение, политпросвет- и антирелигиозную работу, работу в музеях, реставрацию, консервацию, препаровку, фиксацию памятников, фотопрактикум». Кроме свидетельства, прилагалась характеристика партийной ячейки: «П.И. Кутафьев, служащий, 38 лет, образование среднее, музейный стаж 8 лет, член ВКП(б) с 1917 года. Курс по всем дисциплинам усвоил хорошо. В общественной работе активно участвовал. Может быть использован на руководящей организационно-научной работе краевого, республиканского масштаба или директором центрального музея. Желательно продвижение на учебу в аспирантуру (выписка из протокола № 14 от 23 июня 1932 г.)» [7. С. 154–155].

Характерно, что «марксистская подготовка» музейщиков сочеталась с «чистой» кадров, ведь 1-й музейный съезд проходил под лозунгом «Долой нейтральность, аполитичность и пресловутую лояльность, прикрывающую контрреволюционное вредительство» [9. Л. 15]. Следуя этому призыву, в первые годы после завершения съезда были организованы проверки выполнения его решений. Так, в акте обследования Томского краевого музея, проведенного в августе 1932 г. инспектором Западно-Сибирского крайона, предлагалось «признать, что экспозиция не отвечает требованиям марксистско-ленинской теории и не поставлена на службу соц[иалистического] строительства... Классовая борьба в экспозиции затушевана, и выпячены без противопоставления и вскрытия классовых корней вещи, отражающие буржуазную и феодально-дворянскую идеологию и быт... Музей производит впечатление кунсткамеры... Недостаточно проработаны решения 1-го музейного съезда. Музей не имеет разработанного плана работы. Не ведется никакой работы по марксистско-ленинскому воспитанию...» [4. С. 90–91]. А в 1933 г. на краевом музейном совещании в Новосибирске была отмечена негативная роль руководителей Кузнецкого, Омского, Новосибирского и Томского музеев, которых обвиняли в поддержке традиций буржуазных музеев, в антинаучности и буржуазной методологии в музейном строительстве. Говорилось о значительном «засорении сибирских музеев меньшевистско-эсеровскими элементами и «бывшими людьми», которые проявляли усиленный интерес к капиталисти-

ческой формации, к древностям, ко всяческой экзотике в жизни «отсталых народностей» [23. С. 80]. В 1934 г., когда в Томском музее была начата «реэкспозиция капиталистической формации», в одном из сопутствовавших ей документов сообщалось, что «перестройка протекала в тяжелых условиях недопонимания основных требований от советского музея, с одной стороны, и вредительской идеологии старых музейных специалистов, неуклонно направляющих музейную работу в академическое русло коллекционирования...». К «идеологически чуждому руководству» был отнесен заведующий Томским краевым музеем М.Б. Шатилов, который к тому времени был арестован, обвинен в создании контрреволюционной группы и приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. А спустя четыре года пребывания в лагерях – расстрелян [33. С. 221].

Опубликованные документы ОГПУ/НКВД содержат сведения о том, что кроме Шатилова по «делу контрреволюционной белогвардейской организации» проходил заведующий Новосибирским музеем М.А. Кравков. По словам обвинителей, он «тянул назад в области музейной работы, организуя зрителя на антисоветское, антимарксистское представление о задачах соцстроительства и политики партии во всех областях» [34. С. 147]. По обвинению в антисоветской контрреволюционной деятельности были арестованы и расстреляны один из организаторов музейного дела Новосибирска, руководитель Общества изучения Сибири и ее производительных сил Г.И. Черемных, заведующий Кузнецким краеведческим музеем Н.П. Кайдалов; сотрудник Тобольского музея, ученый секретарь Общества изучения Тобольского края М.П. Копотилов; выпускник медицинского факультета Императорского Томского университета, фенолог и орнитолог, тесно сотрудничавший с Барнаульским музеем А.П. Велижанин; заведующий Минусинским музеем А.В. Харчевников; заведующий Кяхтинским музеем П.С. Михно [8. С. 292–293; 34. С. 293, 336; 35. С. 138–139; 36].

В ходе следствия по «делу контрреволюционеров» назывались сотрудники Новосибирского музея Е.Н. Орлова и В.Н. Троицкий, научный сотрудник этого же музея зоолог Б.Ф. Белышев (был приговорен к 10 годам лагерей), сотрудница Омского музея археолог В.П. Левашева, археолог Томского краевого музея

И.М. Мягков, сотрудник Иркутского музея П.П. Хороших (отбыл 2 года тюремного заключения), внештатный сотрудник Барнаульского музея, ботаник В.И. Верещагин (5 лет ссылки) [8. С. 284; 34. С. 147, 154–155; 37. С. 288–289]. В 1938 г. был арестован заведующий историко-археологическим отделом Омского музея А.Ф. Палашенков. Как имевший «политическую судимость», он пробыл полгода в тюрьмах Салехарда, Омска и Смоленска, но был все же освобожден [30. С. 527]. Научный сотрудник Бийского музея, археолог М.Д. Копытов скончался после длительного тюремного заключения [38. С. 275–276]. Как видим, практически ни один музей не был обойден репрессиями, музейное дело Сибири было обезглавлено, лишилось наиболее деятельных сотрудников.

Перевод музейного дела на «социалистические рельсы», задуманный в 1930 г., завел его в тупик. Первые итоги выполнения решений музейного съезда подводились в 1948 г. на расширенной сессии Института краеведческой и музейной работы. В выступлениях на сессии, опубликованных вскоре в сборнике «Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев» как большой недостаток в работе музеев указывалось «устранение из экспозиций подлинных предметов музейного значения» и широкое использование «заменителей подлинников», сведение на нет собирательской и научно-исследовательской работы [39. С. 6–7]. Но при всей справедливости и своевременности критики решений музейного съезда она сводилась к «политическим ошибкам» его организаторов. Директор Института краеведческой и музейной работы Ф.Н. Петров говорил, что музейный съезд «дал не то идейное и научное направление нашему музейному строительству, которое нужно было бы дать и которое отвечало бы тем основным задачам, что ставит партия и правительство перед нашими музеями» [39. С. 6]. С целью устранения издержек музейной политики участники расширенной сессии приняли Положение о краеведческом музее. Оно закрепило единообразную структуру краеведческих музеев в составе трех экспозиционных отделов (отдел природы края, отдел дореволюционного прошлого, отдел советского периода). Одновременно в музеях в обязательном порядке формировались отдел фондов, архив и библиотека. Новое Положение, несомненно, отвечало задаче «всестороннего изучения края, собирания и показа музейных материалов», но

решение этой задачи по-прежнему осуществлялось «в целях коммунистического воспитания трудящихся, мобилизации их на выполнение хозяйственно-политических задач и воспитания в них любви к своему краю и к советской Родине» [40. С. 215].

Как видим, выполнение сформулированных 1-м музейным съездом задач искажило самое суть музейной работы, и это искажение в сибирских музеях долгое время оставалось невыправленным.

Источники и литература

1. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). М., 1991. С. 96–172.

2. Чернаева О.Е. Первый Всероссийский музейный съезд (1930): [вступительная статья] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М., 2010. С. 637–640.

3. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. № 6. С. 93–198.

4. История Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 11. С. 3–159.

5. ГАРФ. Ф. А 2307. Оп. 15. Д. 46.

6. [Шнеерсон А.Н.]. Научно-исследовательские работы краеведческих музеев РСФСР (по материалам анкет Первого музейного съезда) // Советский музей. М., 1931. № 1. С. 96–97.

7. Харченко Л.П. Две жизни, одна судьба. Музеи в Сибири: историко-мемуарное издание. Новосибирск, 2010. 312 с.

8. Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул, 2004. 312 с.

9. ГАРФ. Ф. А 2307. Оп. 15. Д. 43.

10. Принципы и формы массовой политпросветработы в музее: резолюция съезда // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М., 2010. С. 656–669.

11. Луппол И.К., Шнеерсон Н.А. Ко всем музейным учреждениям. М., 1931. 18 с.

12. Коновалова К.А. Пути методического руководства музейной работой // Советский музей. М., 1931. № 1. С. 27–31.

13. Радченко Е.С. Техника просветительной деятельности краеведческого музея // Советский музей. М., 1931. № 1. С. 67–72.

14. Семенова А.А. Музеи на помощь выполнению финплана // Советский музей. М., 1931. № 4. С. 9–12.

15. Юрцовский Н. Новосибирск // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3. Стб. 779–786.
16. Новосибирский музей // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3. Стб. 790–791.
17. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и мемориальные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015. 404 с.
18. Черемных Г.И. Музеи // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3. Стб. 572–577.
19. Харчевников А. Государственный Минусинский музей: к 60-летию основания // Советский музей. М., 1937. № 1. С. 4–12.
20. Производственно-технический музей Кузнецкого металлургического комбината имени товарища Сталина // Труды Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1940. Т. 1. С. 200–215.
21. Россомахин П.А., Садырин М.М. К шестидесятилетию Тюменского музея // Омская область. Омск, 1939. № 8. С. 49–52.
22. Архив Томского областного краеведческого музея. Оп. 1. Д. 6.
23. Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920–2000-е гг.): дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2010. 260 с.
24. Казаневич В.А. Музеи Восточно-Сибирского края // Советская этнография. М., 1935. № 2. С. 173–177.
25. Милонов Ю. Принципы экспозиции в обществоведческих музеях // Первый Всероссийский музейный съезд: тезисы докладов. М.; Л., 1930. С. 34–36.
26. Луппол И. Диалектический материализм и музейное строительство: доклад на Первом Всероссийском съезде 1 декабря 1930 г. М.; Л., 1931. 32 с.
27. Ремизов А.В. Подвижник краеведения // Антология омского краеведения. Т. 1: Палашенков А.Ф. Избранные труды. Омск, 2013. С. 44–90.
28. Григорьев Н. Иркутский краевой музей // Историк-марксист. М., 1936. Кн. 4. С. 163–165.
29. Принципы реорганизации Тобольского музея // Советский музей. М., 1931. № 2. С. 113–114.
30. Письмо А.Ф. Палашенкова смоленскому краеведу С.М. Яковлеву // Антология омского краеведения. Т. 1: Палашенков А.Ф. Избранные труды. Омск, 2013. С. 524–531.
31. Квашнин Н. Музей истории материальной культуры при Томском государственном университете // Советский музей. М., 1935. № 3. С. 68–74.
32. Безсонов С.В. Подготовка музейных кадров // Советский музей. М., 1931. № 1. С. 23–26.
33. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Михаил Бонифатьевич Шатилов: революционер и музейевед // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2018. № 31. С. 211–227.
34. Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 годы): сб. документов / С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, Л.С. Пашенко. Новосибирск, 2004. 352 с.
35. Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры: биобиблиографический словарь. Тюмень, 1997. С. 138–139.

36. *Забайкальская энциклопедия: [Электронный ресурс].* Режим доступа: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id>. Дата обращения: 22.02.2019.

37. *Кадиков Б.Х.* Бельшевец Борис Федорович // Кадиков – музей, ставший судьбой. Бийск, 2012. С. 288–289.

38. *Кунгуров А.Л.* Научная деятельность М.Д. Копытова // Алтайский сборник. Барнаул, 1995. Вып. 16. С. 270–282.

39. *Петров Ф.Н.* Профиль краеведческого музея и принципы построения его экспозиции // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев. М., 1950. С. 6–7.

40. *Положение об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее* // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев. М., 1950. С. 215–218.

С.Е. Григорьева, М.А. Митрофанова

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМНАТЫ-МУЗЕЯ С.М. КИРОВА В ТОМСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ*

Интерес к изучению историко-революционных и мемориальных музеев политических деятелей складывался с самого момента их создания в 1920-е гг. и сохраняется до сих пор. Как правило, наибольшее внимание уделялось ведущим столичным музеям этого профиля [1–5]. Для полноты представлений о музейной жизни страны требуется внимание к местным музеям, в частности к музею С.М. Кирова, который работал в Томске с перерывами более 50 лет.

Первый опыт чествования виднейшего советского и партийного деятеля Сергея Мироновича Кирова в Томске относится к 1925–1927 гг., когда проводились торжества 20-летия Первой русской революции 1905 г. и 10-летия Октябрьской революции. Так, при поддержке Томского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Томском краевом музее (совр. ТОКМ) был организован кружок, члены которого собирали

* Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2020. № 37. С. 184–188.